ФИЛОЛОГИЯ

Н. Я. Сипкина

«ПОЭМА О РАЗНЫХ ТОЧКАХ ЗРЕНИЯ» Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКОГО: ЖАНРОВОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Автор статьи рассматривает данное произведение как духовное продолжение традиций русской литературы, вместившее в себя жанровые особенности поэмы середины XX века: сочетание фантастических сюжетов, повествования, философских размышлений, диалогической и монологической речи. По мнению автора, в поэме поэт декларирует верность идеалам юности, избранному пути и нежелание подстраиваться под требования изменчивой конъюнктуры.

Ключевые слова: духовное продолжение, традиции, русская литература, жанровая система, художественное своеобразие, жанровое развитие, эволюция, поэмное творчество.

N. Sipkina

“THE POEM ABOUT THE DIFFERENT POINTS OF VIEW” R. I. ROZHDESTVENSKIY: GENRE AND ARTISTIC ORIGINALITY

The author of the article “Poem of the different points of view” by R. I. Rozhdestvensky is regarded as the spiritual continuation of the traditions of Russian literature, contain allfeatures of the genre of the poem the mid-twentieth century. The article reveals a complex genre system “Poems on various points of view”: a combination of science fiction stories, narrative, philosophical reflection, dialogic and monologic speech. According to the author, the poem declares the artist loyalty to the ideals of youth, the path chosen, and an unwillingness to adjust to changing demand conditions.

Keywords: spiritual sequel, traditions, Russian literature, genre system, artistic originality, genre development, evolution, poem creativity.

Анализируя жанрово-стилевое разнообразие русской поэмы второй половины XX века, нельзя, на наш взгляд, обойти вниманием идейно-эстетический опыт поэтов-шестидесятников, в том числе Р. И. Рождественского, ибо в их творческой эволюции отчётливо отражаются закономерности литературного процесса 1950–1990-х годов.

В 1970-е годы в отечественном литературоведении становится ощутимой тенденция к рассмотрению вопросов творческого развития поэтов-шестидесятников, как правило, на материале больших поэтических форм [1]. В 1985 г. В. П. Прищепа в кандидатской диссертации предпринял попытку на основе сравнительно-сопоставительного анализа поэм Е. А. Евтушенко и А. А. Вознесенского выявить характер эволюции лирико-повествовательной поэмы, её типологические черты. Учитывая ряд существенных выводов, сделанных в его кандидатской диссертации и монографической

работе [6], в своей статье мы стремились проследить эволюцию лирико-повествовательного «рождественского» типа поэмы на материале поэмных модификаций 1950–1960-х годов.

Сам Р. И. Рождественский в беседе с литературоведом А. В. Мальгиным раскрывал перспективу развития жанра — поэмы: «Жанр поэмы существует, с этим приходится считаться. Жанр очень свободный, подвижный, меняющийся и в то же время не изменяющий своим основным законам. Видоизменяться этот жанр, видимо, будет и дальше, вместе со временем, с людьми, с уровнем их размышлений, уровнем задач, которые ставит перед художником действительность, столь же подвижная и не стоящая на месте» [2, с. 23].

«Поэма о разных точках зрения» (1965), по нашим наблюдениям, является произведением, завершающим ранний период поэтического творчества Р. И. Рождественского. Тематическая основа стихотворений «Говорила мама…» (1965), «О, поэтические дела…» (1965), «Радиус действия» (1965), «Половина», (1965) «У планеты сон не слишком глубокий…» (1965), «Ты мне сказала…» (1965) и др. из сборника стихов «Радиус действия» (1965) была сконцентрирована в поэме, которую в этом отношении можно рассматривать органичным произведением малого жанра.

Из воспоминаний литератора М. Мудрика — сотоварища по омскому детству Р. Рождественского — в книге «XX век. Поэты. Омск» (2008) [5] мы узнаём, что бесцензурный вариант «Поэмы о разных точках зрения» был опубликован в омской газете «Молодой сибиряк» (ноябрь 1967): «Как-то меня спросили: как Николаенко (гл. редактор газеты «Молодой сибиряк». — *Н. С.*) решился на публикацию поэмы-памфлета («Поэмы о разных точках зрения» Р. И. Рождественского), не заручившись согласием обкомов? Думаю, все обстояло именно так. Стоило обратиться за разрешением, и никто из местных идеологических начальников не рискнул бы взять на себя ответственность. В любом случае, команду поставить «Поэму о разных точках зрения» в ближайший номер Володя (Николаенко — *Н. С.*) дал» [5]. Одним из первых среди исследователей творчества Р. И. Рожественского М. Мудрик выходит к теме «Р. Рождественский и цензура». При сравнении вариантов текстов, опубликованных в «Молодом сибиряке» и в других изданиях, легко проследить, на какие уступки вынужден был пойти Рождественский, чтобы поэму напечатали в Москве: «Три десятка (!) разночтений, притом подавляющее большинство из них носят политический, а не поэтический характер» [5].

Ещё одна ценная информация о первоначальном названии поэмы стала известна из этой же книги М. Мудрика: «…передавая поэму мне, Роберт заметил: первое ее название — «Зачем живешь?», только он от него отказался: «Слишком в лоб и требует ответа» [5].

Чуть позже «Поэма о разных точках зрения» Р. Рождественского была опубликована в журнале «Юность» (декабрь 1967), а до этого в сборнике стихов «Радиус действия» (1965), и принята критиками неоднозначно. По словам А. В. Мальгина, она «стала настоящим гимном непосредственности, естественности человеческого существования. Она — лучший ответ на все чрезвычайно серьезные, даже политические упреки и обвинения, которые в те годы раздавались по адресу Р. Рождественского и его товарищей по поэтическому поколению» [3, с. 152]. В поэме художник сохраняет верность идеалам юности, избранному пути и нежеланию подстроиться под требование изменчивой конъюнктуры, в этом мы видим причину нападок пристрастной критики на поэтическое произведение. Яркий пример предвзятого отношения к поэме звучит в статье Л. Миля «Случай резонанса»: «Эскизы Р. Рождественского не конкретны, манерно расплывчаты и никакой цельной картины не дают… В каждой главе есть довольно популярная точка зрения на

довольно популярную поэтическую истину… Груда больших гражданских тем не была даже сдвинута с места. Отсюда и банальное «энное» звучание всей поэмы… Поэма псевдоактуальна» [4, с. 8].

Явно ощущается исторический контекст поэмы: снятие Н. С. Хрущева со всех постов привело к дальнейшему «задушению» обозначившихся демократических начинаний. Именно в это время поэзия «шестидесятников» вызывает острую негативную реакцию официальной критики.

«Поэма о разных точках зрения» Р. И. Рождественского является одной из возможных модификаций лирико-повествовательной поэмы.

Вступление, представляющее собой монологическую форму с фантастическим сюжетом, раскрывает актуальные, сложные вопросы современной поэту действительности. Автор поэмы — он же и лирический герой — придерживается принципа последовательности лирического повествования, который реализуется в лирических отступлениях — авторских размышлениях, монологах и диалогах героев, в повествовательно-фантастических сюжетах, философских размышлениях. Взгляд поэта находится над событиями, сопрягает близкое и далекое, обыденное и возвышенное, показывает разные явления через их сущность. В поэме показаны современные события и будущее, раскрывается душа поэта и душа обывателя, в нее включены лирические отступления — философские размышления автора о жизни, смысле существования, предназначении человека и поэта на земле.

Автором в поэму введены реальные персонажи и образы-символы, раскрывающие контрастные мнения о вере и безверии, о величии человека в его прогрессивном развитии. Реальные персонажи поэмы — поэт, академики «серьезных наук», писатель, биограф, случайный знакомый. Символические образы — романтика, обывательщина, вера, образ города как образ души поэта, счастье и др.

Диалогическая форма повествования в поэме имеет функцию временного и в некоторой степени смыслового скрепления от простого к сложному: диалог романтика с обывателем является своего рода вступлением к развитию темы обывательщины и поэтического предназначения. Прием контраста, использованный для раскрытия разных образов (поэта и обывателя, биографа и писателя, мудрых людей и людей-агрегатов), позволил автору типизировать и детализировать данные образы, показать их социальные характеристики.

Первая глава «Сон», «но это была такая явь, которой не требовалось повторного пробуждения. Мы тогда прекрасно читали между строк»[5].

В данной главе, используя художественные приемы: аллегорию и скрытый смысл, вводя фантастический сюжет (приснившийся сон), поэт определяет свою точку зрения на общественные события. На заседании Академии *«серьезных наук»* обсуждается вопросительный знак, выясняются его загадки: не умеет *«эпохально звенеть»*, *«заставляет временами краснеть»*, *«не зовет, не помогает в борьбе»*, заводит *«неизвестно куда»*. Ученые-академики решили, что вопросительный знак — пессимист, его надо отменить и взять на учет. А людям с особыми заслугами разрешить употребление вопросительного знака в виде *«журчания»*. Автор подчёркивает: наступило время *«безвопросия и равнодушия»* людей друг к другу. Дальше *«ученые умы»* решают: *«Только восклицательным знакам почет»*. Но эти новые правила в грамматике не признает природа: ей *«не впервой отставать»* и *«плевать ей на запреты»*: *«Вопросительно / глядит сова. / Вопросительно шуршит трава. / Вопросительны пчелы в цветах. / Вопросительны краны в портах. / Вопросительно свернулся уж…»* [8, с. 66].

В результате «цензурного вмешательства» содержание главы «выравнивалось». «Так, в омском варианте было: *«Лишь **в крамольных** появляется снах / отмененный*

вопросительный знак». Стало: *«...в* ***кошмарных*** *появляется снах»* [8, с. 65]. *«На вокзалах нет вопроса: «Куда /* ***непонятные ушли*** *поезда?..».* Цензору померещились поезда с заключенными, после чего неотвратимо появились другие слова: *«На вокзалах нет вопроса: «Куда /* ***на планете разбрелись*** *поезда?. . »* [8, с. 65]» [5].

Глава отличается тонкой иронической тональностью — характерной чертой поэзии Р. Рождественского. Например, Р. Рождественский иронизирует над «пережитком» обывателя — веру в приметы: «Этот сон / приснился в пятницу мне / (может он — / к деньгам, а может — / к войне)» [8, с. 63]. Высмеивается ничтожность темы лженаучной работы, которая обставляется помпезностью, вычурностью окружающей обстановки. Возникает актуальная в наши дни весёлая ирония и над внешним видом «научных светил»*: «Академия / Серьёзных / Наук… / Академики — / дотошный народ /* сорок лысин, / восемнадцать бород) — / при параде, / при больших орденах / обсуждают вопросительный знак» [8, с. 63].

Грустно-иронично рассказывается о «последствиях» научного решения — отмене употребления вопросительного знака в устной и письменной речи: *«...супруги соблюдают престиж»*, *«Нет возможности / задачник добыть...»*, *«Не вздыхает Гамлет: / «Быть / или не быть?»*, *«Нет кроссвордов. / КВН не бурлит»*, *«Лишь в кошмарных / появляется снах — отменённый / вопросительный знак»* [8, с. 65].

Вторая глава «Несколько слов от автора» — философское рассуждение о смысле жизни человека, общества — противопоставлена содержанию первой главы, «спорит» с ней. Человеку нельзя запретить сомневаться, радоваться, грустить, веселиться. Вопреки любым ограничениям он всегда задаст вопрос, хотя бы самому себе: «Зачем я живу на земле?» Характерно использование синтаксической конструкции — *рефрена*, который служит в этой главе центральным приёмом, организуя разные по смыслу строфы и, входя композиционно в их синтаксическую структуру, создает атмосферу растущей тревоги и волнения. Рефреном является вопрос *«Зачем?»*, который повторяется на протяжении всей главы девять раз, разделяя строфы и придавая стихам философский смысл. Художественное своеобразие этой главы определяется и контрастностью использованных разноплановых стилей: *разговорного* (автор использует просторечья и жаргонизмы: *«понта»*, *«сортирах»*, *«дебилы»*, *«подонки»*, *«на стрёме»*, *«господинах»* и др.) и *художественного* (употребляется возвышенная лексика: *«грядущее»*, *«счастливые»*, *«матроны»* и др.). В стиховой речи можно различить приём скрытого смысла и один из видов сатирического изобличения — сарказм: *«Трибунные гориллы, / базары / и корриды, / горланите? / Горите? / Зачем? / Случайно / иль нарочно? / Для дяди? / Для народа? / Для продолженья / рода? / Зачем?»* [8, с. 67].

В третьей главе — «Экскурс» — возникает тема веры в «мудрость народную». Самым постыдным эпизодом в истории России Р. Рождественский считает решение далеких предков — о приглашении «варягов» править «миром».

В бесцензурной омской публикации «Поэмы…» было: *«Я тихо краснею / за это* ***бессилие*** *собственных предков».* Стало: *«... за это* ***решение*** *собственных предков»* [5]. *«Сглаженный вариант» строфы явно был поэту не по душе. В главе звучит скрытая ярость-бессилие.*

Автор страстно ищет причину «неудач» в жизни современного общества. Наша земля *«лесами обширна, лугами удачна, ручьями обильна»*, но не хватает *«чего-то»*, складывается впечатление, что русские люди *«чем-то обидели землю»*. Эта глава отмечена публицистическим стилем, который обнаруживается в ораторской речи. Поэт беспощадно разоблачает «современных правителей», используя ироническое иносказание (*«супермены, советники, форды, проныры, варяги, хлысты, рвачи»*), которые живут ис-

ключительно для своей выгоды, а до «простых граждан» им дела нет. В то же время «стрелы негодования» направлены и в сам народ. Здесь сарказм в стихотворных строфах достигает высшей степени. Для достижения поставленной цели используются слова-вульгаризмы: *«быдло»*, *«жратва»*, *«ночная житуха»* и др., которые придают содержанию главы негативную окраску. Для поэта неприемлема «народная покорность»: *«А мы вам за это / подарим / цветастых матрёшек, / протяжную песню про Волгу / и водку. / Икрою покормим, / станцуем вприсядочку, / склоним главу»* [8, с. 69]. Слова *«вприсядочку»* с уменьшительно-ласкательным суффиксом и *«глава»* — старославянизмы, использование которых способствует созданию уничтожающей критики. А последующая фраза вообще звучит «смехом сквозь слёзы» — на вопиющее терпение нашего народа: *«Варяги, / ау-у-у! / Придите и правьте. / Мы очень понятливы. / Необычайно проворны…»* [8, с. 70].

Поэтический синтаксис (двойной восклицательный знак и восклицательные знаки в конце каждого предложения, эвфонические паузы), разбивка поэтической фразы на слоги, построение строфы в форме лесенки, «слова-ругательства» (разговорный стиль) помогают понять негодование автора в адрес «наших правителей»: *«…До — / воль — / но!! / К чертям! / Супермены, / советчики, / херсты, / рвачи / и так далее, — / видели! / Шеренги / заезжих высочеств, / проезжих величеств, — / валитесь!»* [8, с. 70].

Несмотря ни на что автор не теряет надежду в «светлое будущее» наших людей: *«Земля наша / сильно людьми знаменита / в которых — / надежда. / В которых / спасенье…»* [8, с. 70].

В главе «Разговор со случайным знакомым» звучит диалог романтика и обывателя. Использование жанровой разновидности, характерной для драматического повествования — диалога-беседы, придаёт главе разговорную интонацию, помогает автору раскрыть различное видение мира символических образов. Этой цели служит и контраст в использовании стилей (художественного и разговорного) изложения поэтического слога. Многие люди живут, не замечая вокруг себя красоты природы. Для романтика, одухотворенного человека, природа — это живое существо, которое дышит в ночи, туман, *«вкрадчиво прижимается к молодой воде, как будто в полночь поклялся ей в любви и взял в свидетели луну»*. Земля хранит тайны: *«А сколько музыки в степях, в предутреннем дрожанье рос»*. На все восторженные речи у обывателя «приземлённые» ответы-вопросы: *«Чо? Где? Ну? Гы? Врешь! Ха! Брось! Псих!»*. Романтик обращается к своему случайному знакомому: *«— Послушай, / разве можно так: / прожить — / и не узнать весны, / прожить — / и не понять снега… / — Ага!»* [8, с. 70–71].

Пятая глава — «Хор со стороны» — отличает ***памфлетность***. Весь корпус сатирических приёмов художественного изображения доведён до предела. ***Злым срказмом*** окрашено описание образа жизни и мыслей *«тёмных людей»*, *«хозяев истории»*: *«Мы — / и не пытавшиеся. / Мы — / и пытающиеся. Млекопитающиеся / и млеконапитавшиеся. / Рядовые. / Жвачные… / Скромные. / Ленивые… / люди-агрегаты / по переработке / пищи / на дерьмо!»* [8, с. 70].

Постепенно ***сарказм*** накаляется «до бела». Для автора приемлемо использование ***гиперболы*** и ***гротеска***: *«оракулы каркают»*; *«Вы думаете: / это работают машины?! / А это / наши челюсти вкалывают!!»*; *«Вы думаете: / это / грохочут / новостройки?! / А это / наши челюсти жуют!!»* [8, с. 73].

Фантастична «обывательская сила», которая смеётся над теми, кто *«играет»* в выборы, правительства, партии, кто бунтует, пишет стихи, на амбразуры падает, выдумывает. Хор голосов утверждает: *«На планете вместо / светочей ума / встанут / Эвересты / нашего дерьма!! Брызнут фейерверками / желтые дымы. / Разжиревшим веком /будем править мы!»* [8, с. 74].

Множественное использование «просторечий» и «вульгаризмов» в главках «Разговор со случайным знакомым» и «Хор со стороны» (*«Чо?», «Где?», «Ну?», «Гы?», «Врешь!», «Ха!», «Брось!», «Псих!», «люди-агрегаты», «дерьмо», «сожрать», «Разжиревшим»* и др.) стилистически оправданно. Ярко-экспрессивные слова помогают понять резко негативное отношение автора поэмы к такому «сорту» людей.

Для поэтического синтаксиса данной главы характерно использование восклицательных, вопросительных стихотворных фраз-предложений с удвоенными вопросительными и восклицательными знаками, что способствует созданию напряжённой интонационной окраски. Мы слышим ярость, гнев в обличительной основе главы.

В 6-й главе «Снова несколько слов от автора» Р. Рождественский использует также фантастический сюжет — с молчаливого согласия «хозяина истории» мир людей уничтожен.

Эта глава отличается лиризмом. В каждой строчке звучит боль, тревога за *«всё живое на Земле»*: *«Нет на Земле / на все края, / на длинные года / ни захудалого кота, / ни пса, / ни воробья. / Все выметено. / Всё мертво»* [8, с. 75–76].

Поэт использует ***образы-тропы***: ***сравнения***, ***метафоры***, ***олицетворения***, которые также помогают раскрыть лирический характер главы: *«По стебелёчку / вверх и вверх / ползёт /травяная вошь… / Зачем живёшь, человек, — / если так / живёшь?»*; *«атомный кошмар»*; *«Земля пуста, / как твой карман»*; *«Удачлив, — / будто царь зверей»*, *«Как финн, невозмутим»*; *«На этой лучшей из планет, / разорванной, как нерв»*; *«От сквозняков / храпя, / пустые станции метро…»* и др. [8, с. 74–76].

От такой безнадёжной картины даже у равнодушного человека начинают просыпаться чувства, и его слова произносятся как древнее закланье-заклятье: *«Не надо! / Чур — чура!!»* Но на крик души одинокого обывателя звучит невозмутимый риторический вопрос-ответ автора: *«Зачем кричишь, / человек? / Ведь ты молчал / вчера»* [8, с. 76].

Седьмую главу — «Пример для подражания» — отличает также своеобразный фантастический сюжет — диалог — спор биографа и якобы умершей популярной личности (писателя). Образы личности и биографа условно носят символический характер. В содержании этой главы поэт объясняет механизм создания культа и мифа в советском обществе. По сути, это спор двух сил: советской догматики и человечности, противопоставление «точек зрения» различный идей. Биограф хочет «слепить» идеального писателя, по его мнению, *«идола», «безумия повального»*: *«был хорошим сыном», «зачитывался книжками о войне», «презирал богатство», «увлекался теннисом и марками»* и др. В речи биографа наличествуют ***«канцеляризмы»***, ***«бюрократизмы»***: *«Во имя* ***воссозданья*** */* ***нужной*** */* ***личности****», «тебе сомнения* ***противопоказаны****!», «****для живости*** *характера», «****бюст переходящий****», «****во всеплановом*** */* ***грандсоревновании****»* и др. Они придают поэтическому языку сухость и скуку, «мёртвенность». Перед нами постепенно возникает требуемый образ идеального писателя, монументального, как вырубленного из мрамора памятника. Звучит ирония над созданным «*вездесущим*» «мифологическим существом» — *«как Аллах для правоверных», «… портреты / на тетрадках, / на клюкве в сахаре / и на конвертах!», «ходишь в призовых»* и др.

Противоположен образ «леплённого» писателя-поэта. В его убеждения автор вложил свои сокровенные мысли. На наш взгляд, это собирательный образ «современников» поэта, которые: *«Решительной эпохою / разбуженные / для славы и любви / для слёз и смеха»*. В этой фразе обозначена тематическая перекличка с его же стихотворением «Ровесникам» (1959): *«Мы пришли / в этот мир, / чтоб смеяться и плакать»* [7, с. 81]. Лирическому герою-автору под-

властны все человеческие чувства: *«— Я жил! / Я сомневался»* [8, с. 78].

На мифическую «*лакировку*» образа писателя даётся решительный ответ: *«А знаешь, / мы тоже / были будущими. / Не надо нас придумывать / живых»* [8, с. 80].

Над этой главой также «поработала цензура». Из воспоминаний М. Мудрика нам стало известно, что здесь были изъяты строчки: *«Убийцы маскируются нелепо / под чудаков и полководцев бравых. Не понимаю я таких поправок!. . »; «То — идолы, / то — масса. /То — пушечное мясо. / До сердца — как до Марса!. . / Зачем?»* [5].

8-я глава — «Городской романс» — образное сравнение души лирического героя с большим городом. Она отличается многообразием и «богатством» художественных приёмов — ***образов-тропов***.

В частности, автор использует следующие ***развёрнутые сравнения***: «*Я — как город. / Огромный город»; «Речкой, будто хвостом, / виляют»; «А дворы / заборами скручены»; «Дождь лоснится / на кучах мусора…»; «Я — как город. / Тебе в нём / всегда светло, / Как на выезде из тоннеля»* [8, с. 80–82]. **Метафоры** *(«А дома — / просторны, / дома — / легки»; «Прокопченные / есть / окраины»)* и **олицетворения** *(«Города / на приезжий гомон / поворачиваются / площадями. / Поворачиваются, / охмуряют»; «*(Главные площади — авторы) *Рассыпаются / в речи набожной. /В них тепло, / торжественно, / солнечно!»; «Там на всех углах /Темнота хрипит»; «Равнодушный / тупик. / Усталый / тупик. / Дом / Бездельничанья. / Дом / Безденежья…»; «Вот опять слова / немотою свело. / Невесомы они / донельзя..»)* [8, с. 80–82]) придают лирическому повествованию противоречивый, неоднозначный характер. Используются **слова-антонимы** *(«Может, / **ближний**. / А может, / **дальний**…),* **начальная тавтологическая рифма** *(«…**главной** улицей, / **главной** набережной»; «…**тупики не тупые** — / умничают. / **Тупики не тупые** —/ колются»; «**Жаль**, / что медленно. / **Жаль**, / что муторно»),* **ирония**, **скрытый смысл** *(«Площадь Юмора, / Площадь Совести, / Дом Спокойствия, / Дом Справедливости…»; «Осторожнее / разберись в душе / не ходи в тупики! / Забудь тупики! / Я сам бы забыл, / да поздно уже!..)* [8, с. 80–82]. Художественно-выразительные средства, использованные Р. Рождественским в «Городском романсе», служат одной цели — показать, что в душе поэта, как в городе, не только счастливое и радостное существование-бытие, но есть место и для печали, сомнения, тревоги, страха, равнодушия и др., т. е. многие чувства, присущие человеку-поэту. Данная глава контрастирует по смыслу с предыдущей главой, опровергает её.

«Не случайно цензура принудила заменить в финальной строфе расплывчатое слово *«Говорят…»* на «жизнеутверждающее» *«Знаю…»*. В самом деле, *«Говорят, идет реконструкция»* и *«Знаю, что идет реконструкция»* это, *как сказали бы у нас вовсе, две большие разницы.* Авторская трактовка осталась в омской публикации» [8].

В главе 9-й «Еще несколько слов от автора» — раскрываются идейно-эстетические убеждения поэта. Лирический герой задает себе главный вопрос: «Зачем живу?». Данная глава отличается публицистическим слогом, в какой-то степени, декларативными оттенками. Р. Рождественский в беседе с А. Мальгиным так раскрывал причину публицистичности в своих поэтических творениях: «Понимаете, какое дело. Жизнь — она ведь сложная штука и она из очень разных вещей состоит, в том числе и из разных интонаций… В жизни мы используем разные регистры. Поэтому и то, что мы пишем, должно звучать по-разному. Человек — обычный человек, не поэт — бывает публицистичен, когда отстаивает какие-то свои гражданские убеждения. Но тот же человек бывает и лиричен, и мягок, и нежен, когда он произносит сокровенные слова, обращенные к любимой. …» [2, с. 22–23].

В начале главы за ироническим слогом скрывается искреннее чувство любви поэта к *«Земле Обетованной»*: *«…надо жить / на этой самой, чёртовой / ласковой / распаханной / кровавой»* [8, с. 80–82].

Публицистичности стихотворного слога автор добивается с помощью специфического приёма, характерного для творчества Р. Рождественского, — это использование начальной тавтологической рифмы. Глагол-связка «пусть», повторяется девять раз на протяжении сравнительно небольшой по содержанию главки. Слово-«приказ» играет роль рефрена в строфах. В поэтическом синтаксисе мы наблюдаем многократное использование восклицательных предложений-фраз, в которых глагол-связка *«пусть»* «призывает» к решительным действиям вопрос *«зачем живу?»*. И тут же для яркости слога Р. Рождественским используются образные сравнения и олицетворения предполагаемой «деятельности» вопроса-«решения»: *«возвышается, как стража», «глядит безжалостно. / Бесстрашно», «кричит», «хватает за грудки», «как проклятье возникает»* и др. [8, с. 82–83].

Клятвой звучат финальные строки главы, отличающиеся экспрессивностью и лирической страстью: *«Пусть я камнем стану. /Окаменею. / Зашатаюсь. / Боль превозмогу. / Захочу предать — / и не сумею. / Захочу солгать — / и не смогу. / Буду слышать / в бормотанье ветра, / в скрипе половиц, / в молчанье звезд, / в шелесте газет, в дыханье века, / правильный вопрос: / «Зачем живешь?»* [8, с. 83–84].

10-я глава «Ах, дети…» носит автобиографический характер. Скрытая насмешка, прежде всего над самим собой, звучит в *«истории жизни»* поэтов-писателей: *«…решается мальчик/ поэзию / собой / осчастливить», «Как говорил / философ Маргулис: «Причёсанным — немножко полегче…», «Уже умеем пить — / как Есенин. / Ещё б теперь писать — как Есенин…», «А мальчики / придумали скверно…», «был мальчик / либо ябедой, / либо / родителей / не слушался мальчик…», «Я б эту землю милую / проклял бы»* [8, с. 84–86].

Частые обращения к «детям», «мальчикам-поэтам», придают «повествованию» разговорную интонацию: *«не ходите / в поэты. / Ходите лучше / в гости / и в школу…», «Ходите лучше / в парки / и скверы…», «Не играйте в верлибры. / Играйте лучше / в куклы / и мячик»* [8, с. 85–86]. Глава имеет форму беседы — с виртуальными собеседниками, а её содержание носит этико-моралистический характер.

Глава отличается использованием обогащённой рифмы: *«**Зелё**ным / пробавляемся **зелье**м», слово «**штука**», звучащее как «*шутка*», «**подн**имают — понимают», «**пру**дов — **пруд**и», «спл**етни** — **стены** — **стекл**я**нны**», «**скве**ры — **скверн**о», «**реча**м — не пе**реча**», «**свет**иться — **Свет**лова,* образные сравнения: *«Как в очереди: / первый… / последний…», «Как в хоре: / басовитый, / писклявый…»*. В данной главе наличествуют также метафоры-олицетворения: *«Шагаем, / спотыкаясь о сплетни», « Но светится, / дрожа над порогом, / улыбка / Михаила Светлова», «…бормочет и стонет / наивное высокое время»* [8, с. 85–86].

Следующая глава «И опять несколько слов от автора» претерпела почти 100-процентное изменение. Сравним два варианта публикации данной главы. «В «Молодом сибиряке» она выглядела более чем достойно: «*Еще долго будет правый / не прав. / Будет вспыхивать / заря накренясь. / Еще долго будет/ Вздрагивать / прах, / погрохатывая / в каждом из нас… / И занятно думать, / помудрив / над исторической / тьмой…/ наш невиданный, / неслыханный / путь / обозначат / восходящей / прямой»* [5].

Во втором варианте (публикация в журнале «Юность») данная глава выглядела следующим образом: «*Но, с грядущими дыша заодно, / я зверею / от сусальных картин. / Будет так, / как будет. / Так, / как должно. / Так, как сделаем. / И как захотим. / Мне занятно думать, / что когда-нибудь, поразмыслив / над бумагой немой, /*

наш невиданный, / неслыханный путь/ обозначат / восходящей/ прямой» [8, с. 85–86].

Лишь последняя строфа «бесцензурного варианта» осталась неизменной. Второй вариант главы приобрёл декларативное звучание: «*Будет так, / как будет. / Так, / как должно. / Так, как сделаем. / И как захотим». В строчке: «я зверею / от сусальных картин» звучит нескрываемая ярость поэта от бессилия, от невозможности высказать свои мысли о современной действительности.*

Последняя глава — «Постскриптум» — представляет собой еще одну фантастическую картину далекого будущего. Она контрастна главе «Хор обывателей». Поэт уверен, что *«людей-агрегатов»* победят *«умные»* и *«добрые»*, надеется, что в далеком будущем останется только светлое и радостное, о чем мечтали многие поколения людей планеты: *«И воскреснут умные. / И проснутся добрые. / И планеты скачущие / ахнут / озадаченно, / а боятся сказочников / только неудачники»* [8, с. 89].

В данной главе поэт использует такой сатирический приём, как гротеск: *«Будут тигры / в клеточку, / а слоны — / в полоску», «будет продаваться / развесное солнце», «краска / серая / навсегда исчезнет», «И над магазинами / все прочтут легко: / «Пейте / стрекозиное / мо / ло / ко !..»* и др. [6, с. 87–88]. В главу введены также и образы-символы: *«станут / генералы / в цирках / подрабатывать»*, *«неможный дурак»*, *«от безделья / судьи / и врачи / сопьются»* и др. Перечисленные художественные средства способствуют созданию фантастических картин «Постскриптума».

«Поэма о разных точках зрения» Р. Рождественского по своей идее близка поэме В. Маяковского «Про это», где так же контрастом дан мир поэта и обывателей, приводятся раздумья о смысле жизни на Земле. Поэма Р. Рождественского тематически перекликается и с поэмой А. Твардовского «Теркин на том свете», в которой, как и в поэме Р. Рождественского, разоблачаются негативные стороны общественной жизни, используется фантастический сюжет.

Таким образом, «Поэма о разных точках зрения» характерна для эволюции лирико-повествовательного типа поэмы второй половины XX века, в которой мы отмечаем трансформацию характера сюжета поэмы как основного её жанрообразующего начала. Поэт облекает внутренне-лирическое (свое лирическое «я») в форму внутреннего монолога — авторского отступления, представляющего философские размышления о смысле жизни человека, поэта, о неоднозначности пути писателя и др.

«Поэма о разных точках зрения» обозначила завершающий этап раннего поэтического творчества Р. Рождественского. В поэме преобладает неудовлетворенность собой, поиск смысла существования. Поэт размышляет о жизненном призвании, начинает осознавать меру ответственности за поэтическое дело. Р. Рождественский понял громадную ответственность за поэтическое слово, постиг соотношения истинных и мнимых ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Герасименко А. П.* Проблема характера в русской советской лирике 60-х годов: Дис. … канд. филол. наук. М., 1973. 172 с.
2. *Мальгин А. В.* Беседы о поэме / Интервью с Е. Евтушенко, Р. Рождественским, Л. Озеровым. М.: Общ-во «Знание» РСФСР, 1990. 64 с.
3. *Мальгин А. В.* Роберт Рождественский. Очерк творчества. М.: Худож. лит., 1990. 206 с.
4. *Миль Л.* Случай резонанса // Литературная газета. 1968. 28 февраля. С. 8.
5. *Мудрик М.* XX век. Поэты. Омск. Омск, 2008.

6. *Прищепа В. П.* Проблемы развития русской советской поэмы в 1960–1965 гг. (Некоторые тенденции развития жанров). Иркутск, 1985. 199 с.
7. *Рождественский Р. И.* Избранные произведения: В 2-х т. Стихотворения; Поэмы (1951–1966). М.: Худож. лит., 1979. Т. 1.
8. Рождественский Р. И. Избранные произведения: В 2-х т. Стихотворения; Поэмы (1965–1977); Песни. М.: Худож. лит., 1979. Т. 2. 472 с.

REFERENCES

1. *Gerasimenko A. P.* Problema haraktera v russkoj sovetskoj lirike 60-h godov: Dis. na soisk. uchen. step. kand. filol. nauk. M.: 1973. 172 s.
2. *Mal'gin A. V.* Besedy o poeme / Interv'ju s E. Evtushenko, R. Rozhdestvenskim, L. Ozerovym. M.: Obshch-vo "Znanie" RSFSR, 1990. 64 s.
3. *Mal'gin A. V.* Robert Rozhdestvenskij. Ocherk tvorchestva. M.: Hudozh. lit., 1990. 206 s.
4. *Mil' L.* Sluchaj rezonansa // Literaturnaja gazeta. 1968. 28 fevralja. S. 8.
5. *Mudrik M.* XX vek. Poety. Omsk. Omsk, 2008.
6. *Prishchepa V. P.* Problemy razvitija russkoj sovetskoj pojemy v 1960–1965 gg. (Nekotorye tendentsii razvitija zhanrov.) Irkutsk, 1985. 199 s.
7. *Rozhdestvenskij R. I.* Izbrannye proizvedenija: V 2-h t. T. 1. Stihotvorenija; Pojemy (1951–1966); Predisl. E. Sidorova. M.: Hudozh. lit., 1979.
8. *Rozhdestvenskij R. I.* Izbrannye proizvedenija: V 2-h t. T. 2. Stihotvorenija; Pojemy (1965–1977); Pesni. M.: Hudozh. lit., 1979, 472 s.

Е. И. Бойчук

ПРИМЕНЕНИЕ НАВЫКОВ КОМПЬЮТЕРНОЙ ОБРАБОТКИ РИТМА ТЕКСТА В ХОДЕ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ ПО ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ

Рассматривается специфика применения компьютерных средств обработки текста с ориентированием на анализ ритмики французских художественных произведений. Авторами представлен алгоритм создаваемой компьютерной программы анализа ритма по основным языковым параметрам на фонетическом уровне ритмизации, а также описаны методологические способы их применения в ходе занятий по иностранному (французскому) языку. Основной функцией компьютерной программы «Анализ ритма французского текста» является вспомогательная функция, а именно выполнение механических операций по обработке таких ритмических средств, как аллитерация, ассонанс, выделение равных по количеству слогов ритмических единиц, рифмы.

Ключевые слова: компьютерная программа, обработка текста, анализ ритма, французский язык, метод.

E. Boichuk

APPLICATION OF COMPUTER TEXT-PROCESSING METHODS IN THE RHYTHM ANALYSIS WHILE TEACHING FRENCH

The object of this article is to consider the peculiarities of the application of computer means of text-processing implementing the rhythm analysis of French texts. The algorithm of rhythm analysis is fulfilled from the point of view of the main phonetic parameters. The most important